

А. А. Мельникова, В. А. Куц

Глубинные основания русской культуры как база ее иммунитета

Поиск соответствий между структурами языка и базовыми характеристиками культуры является «вечной» проблемой культурологии. В настоящей статье указанная проблематика анализируется в категориальном аппарате системного взгляда на культуру.

Ключевые слова: глубинные основания русской культуры, культурный иммунитет, русская традиционная культура, русский язык, русский кулачный бой.

A. A. Melnikova, V. A. Kuts

Deep Bases of the Russian Culture as a Basis of Its Immunity

The search of correspondences between structures of the language and the basic characteristics of culture is an "eternal" cultural research problem. This paper analyzes issues in the terms of the systemic view of culture.

Keywords: basic characteristics of culture, cultural immunity, Russian traditional culture, the Russian language, Russian fisticuffs.

Существует давняя и вполне устойчивая традиция восприятия национального языка как квинтэссенции культуры народа. Идея о соответствии языка «внутренней организации мышления» определенного народа была высказана Гумбольдтом еще в начале XIX в. и легла в основу многих культурфилософских теорий. Понимание структур языка и текста как кодов культуры было предметом изучения семиотики. Во второй половине XX века как особое научное направление оформилась лингвокультурология, в центре внимания которой проблемы взаимосвязей между феноменами языка и культуры. В известном смысле поиск соответствий между структурами языка и базовыми характеристиками культуры является «вечной» проблемой, к которой вновь и вновь с разных методологических позиций обращаются исследователи.

В настоящей статье указанная проблематика анализируется в категориальном аппарате системного взгляда на культуру как форму бытия народа (перефразируем известное определение М. С. Кагана). С точки зрения теории систем несущие основания заложены в структуре, то есть именно анализ структуры языка позволит нам обнаружить структурные основания культуры. С опорой на философию культуры М. С. Кагана, на его понимание человека и культуры как систем бытия можно предположить, что структуры языка дают возможность строить предположения относительно структурных оснований типа человека¹, а следовательно, и относительно структурных ос-

нований типа культуры (национальной культуры в интересующем нас случае).

Их можно считать глубинными основаниями, имея в виду, что такие структуры для каждого конкретного представителя национальной культуры могут быть неочевидны, незаметны, но, тем не менее, многое определяют в ситуациях ценностного выбора, их аналитика позволяет высказывать суждения о существенных особенностях национальной культуры в целом. Предположим, что сохранение глубинных (структурных) оснований обеспечивает саморегуляцию системы (удерживает ее в заданных пределах, несмотря на периодические отклонения или дестабилизирующие воздействия), обеспечивает самосохранение системы, то есть сохранение ее самоидентичности или, на более привычном языке, – самобытности.

Помня о биосоциокультурной природе человека, а также о значимости биологической и агрикультурной метафоры в открытии идеи культуры [1], можно назвать глубинные основания культуры ее иммунной системой, в том смысле, в каком иммунитет обеспечивает генетическую целостность организма при самых разнообразных изменениях внутри его и вовне. Понимание изоморфности народа, языка, культуры позволяет расширить метафору иммунитета. Если укрепление иммунитета человека есть предмет заботы медицины, то иммунитет культуры – предмет интереса и усилий культурологии. Проблематика культурного иммунитета поднимается, как правило, в связи с изучением этноса и этнической самобытности, а

глубинные основания культуры имеют несомненную культурно-этническую укорененность.

Культура – сложно организованная система. Спецификой сохранения информации в таких системах является ее зашифрованность многими кодами и дублируемость на различных «носителях», что выступает гарантией сохранения данной информации. Таким образом, исследование глубинных оснований русской культуры требует не только изучения структур языка, но и поиска изоморфности (на структурном уровне) различных форм культуры. В настоящей статье предпринимается попытка показать структурное подобие языка, народного пения, танца, обрядового боя в русской традиционной культуре, что и позволяет конкретизировать сущность глубинных оснований.

Логично начать с анализа структур основного «носителя» (языка), то есть с синтаксиса. Первая характеристика – способ соединения слов в предложении – либо жесткий, со строго фиксированным порядком расположения членов предложения, либо свободный, допускающий вариации. Русский язык относится к свободному типу, и ему присущ сложный вид согласования по родам, числам, падежам. Логично предположить: сложный вид согласования в языке продуцирует настроенность на согласованность как базовую категорию, проявляющую себя в различных областях.

Существенным представляется как наличие указанных категорий в языке, так и формы их функционирования. Для русского языка характерен синтетический способ наделения слов грамматическими значениями рода, числа и др., при котором грамматическое значение образуется посредством слияния основы, остающейся обычно неизменной, и формообразующего аффикса, который и сообщает слову необходимые грамматические характеристики. Переводя принципы языка на социум, можно допустить, что согласование происходит за счет подстраивания под другого через изменение себя, но не своей сущностной основы, а периферии личности, то есть форм ее проявления. Синтаксис фиксирует два момента: с одной стороны, неизменную базовую, сущностную основу, с другой – вариабельность под задачу согласования периферийной части. Усиливает и расширяет эти характеристики и присущий русскому языку способ словообразования – также синтетический, с большим разнообразием синтетических морфем, позволяющим передавать оттенки действия или состояния (книга/ книжка/ книжечка/ книжонка/ книжище). Члены предложения в русском языке связаны между собой различными типами связей (согласование, непосредственное и опосредованное управление и примы-

кание), при этом происходит их изменение – подстраивание друг под друга.

С какими же особенностями русской культуры соотносятся выделенные нами структурные принципы языка: соединенности, связанности всего со всем (субъектов друг с другом – субъектов с объектами, объектов с объектами); подстраивания, согласования; значимости внутреннего, базового (в субъектах, их признаках, процессах, ситуациях и т. д.); акцентированность тонкостей мировосприятия?

Одна из наших базовых характеристик русской традиционной культуры – коллективизм. Согласно исследованиям, члены коллективистских обществ не приветствуют явной индивидуальной обособленности, делая акцент на том, что можно назвать «фундаментальной связанностью человеческих существ» [11, с. 57]. Для них значимой является адаптация к отношениям в своей группе, солидарность с товарищами, понимание их и забота о них.

Одной из существенных особенностей русского национального характера является его эмпатичность [5, с. 334], в которую, наряду с базовой настроенностью на другого, входит также умение почувствовать тонкости состояния другого человека, нюансы настроения – внимание к деталям и нацеленность на внутреннее (в отличие, например, от лишь внешней радушности американцев или дистантности англичан). Психологические исследования также подтверждают вышесказанное: диагностируемой отличительной чертой русских является внутренняя устойчивость (ценностей, установок, принципиальной позиции), соединенная с внешней поведенческой гибкостью, широкой вариативностью поведенческих реакций при подстраивании под проблемную ситуацию [5, с. 335].

Если приведенные характеристики относятся к глубинным установкам русской культуры, то, вполне очевидно, они должны быть выявлены и при исследовании других явлений культуры. Обратимся к таким коллективным практикам традиционной культуры, как пение, танец, обрядовый бой.

Для русской традиции было характерно хорошее пение. По традиционным канонам поющие располагались кругом – расположение в ряд появилось позже. Нет зрителей, все участники, что, с одной стороны, еще более сплачивает коллектив, с другой – усиливает звучание (за пределами круга либо при фронтальном расположении поющих эффект согласного звучания ослабевает). И. Ильин пишет: «В отличие от ряда других народов, заменяющих хоровое пение рубленным речитативом или совместным ревом в унисон, русский национальный хор... исполняет песню во много го-

лосов, по слуху, верно, причем каждый голос гармонически ведет свою мелодическую линию, свободно варьируя подголоски и двигаясь в свободных тональностях, доселе не определенных музыкальными теоретиками. Русский поющий хор есть истинное чудо природы и культуры, в котором индивидуализированный инстинкт свободно находит себе индивидуальную и верную духовную форму и свободно слагается в социальную симфонию» [4, с. 337].

Итак, отличительной чертой русского пения являлись коллективное хоровое-круговое исполнение плюс многоголосие. Причем исследователи отмечают уникальность русского многоголосия – это было так называемое подголосочное многоголосие (полифония), значительно отличающееся от европейской полифонии имитационного склада. В русском варианте средний голос выводит основную мелодию, а более высокие и низкие голоса, подпевая, исполняют свободные, импровизированные варианты главной мелодии. В связи с этим любое исполнение хором одной и той же песни отличается от предыдущего исполнения характером подголосков. Такая техника исполнения была характерна только для русской народной песни [15]. То есть русская традиция пения формировала способность вести, с одной стороны, свою вариацию мелодии, с другой – эта вариация оставалась в рамках единого коллективного исполнения, дополняя и украшая его. Таким образом, в характере пения мы обнаруживаем коллективную связанность, акцентированность базового (основной мелодии) согласования, акцентированность тонкостей (подголосьем).

Как разворачивается танец в русской культуре? «Трудно назвать более известное и яркое явление традиционной русской культуры, чем хоровод...» [7, с. 18]. Хоровод – это круговой танец, то есть мы снова, как и в пении, сталкиваемся с круговым расположением участников (даже сейчас мы применяем выражения «круг друзей», «круг единомышленников») и коллективностью исполнения. «Все без исключения хороводы представляются собой массовое действо, участники которого двигаются под песню. Возможны переходы одной пространственной формы в другую, например, замкнутый круг трансформируется в цепь и обратно, процессия завершается образованием круга... Под игровым хороводом чаще всего подразумевается действо, в котором хор движется по кругу, а в центре круга “персонажи” хороводной песни “разыгрывают” сюжет», – уточняют исследователи [7, с. 19]. Кроме хороводов, в русской традиции выделяются еще групповые пляски, которые могут быть подражательными (передать

характер и повадки животного: «Медведь», «Гусачок», «Журавль»), отражать характер трудовых процессов («Толкуша», «Веретено», «Косари»), характер исполнения («Метелица», «Бешеная», «Топотуха», «Перехватка»), количество участников («Пятерка», «Восьмерка»). В таких танцах коллективность исполнения дополнялась такими особенностями, как, с одной стороны, обязательное выполнение общего рисунка танца, переходов, с другой – импровизированное исполнение, связанное с тонкостями передачи необходимого образа или идеи танца. Снова выделяются совместность исполнения, согласованность, удержание сути (основного, базового) и демонстрация тонкостей в импровизации.

Характерным элементом русской ритуальной традиции являются обрядовые кулачные бои – свалка-цеплялка, стеношный и круговой бой. Связь кулачных боев с ритуальными праздниками отмечал еще Д. К. Зеленин [3]. Кулачный бой сопровождался пением бойцами так называемых «частушек под драку» (примеры приведены в [2, С. 178–198], их исследование выполнено в [8]). Анализируя специфику этого традиционного мужского обряда, отметим соединение коллективности, умения согласовывать свои действия (как со «своими», так и с «чужими»), умение распознать суть за обманными внешними действиями, умение использовать тонкости для достижения цели (к тонкостям тут относятся и многочисленные вариации боевых приемов, особенности окружающего пространства, учет характера противника). Наиболее ранней обрядовой формой был круговой кулачный бой, восходивший, по мнению исследователей, к обрядам инициации. В нем не было двух партий – в центр становился один боец, остальные располагались кругом, нанося ему внезапные удары. Наряду с уже перечисленными характеристиками, здесь у нас снова возникает круг и происходит еще больший упор на развитие эмпатии и интуиции за счет усиления неопределенности ситуации, так как боец, стоящий в центре круга, должен был успевать ответить на идущие со всех сторон удары, причем на часть из них – «вслепую». Мы опять диагностируем связность, согласованность, высокую значимость тонкостей (при анализе внешней реальности и при выстраивании ответного поведения), эмпатию, интуицию.

Чему же противостоят описанные нами основания культуры, как защищают культуру от потери сути, от трансформации в нечто иное, чужеродное ей по духу: к вопросу о том, иммунитетом к чему являются эти глубинные основания. Прежде всего, речь идет о цивилизационной динамике

и процессах модернизации, в ходе которой человеческие ресурсы с необходимостью должны были ориентироваться на профессиональное развитие, оттачивание мастерства. Максимальный массовый толчок к такому ориентированию личности давало, с одной стороны, желание выделиться, самоутвердиться, с другой стороны – образование и профессионализация в качестве инструмента, сопутствующего социальному продвижению личности. При проведении анализа своеобразия России для прогнозирования успешности ее цивилизационной динамики одним из часто применяемых методов является сравнение результатов российских выборок с некими «эталонными» показателями модернизационного (трактуемого как цивилизационный) потенциала, а последний представляет собой совокупность определенного набора характеристик «модерной личности».

Что же это за характеристики? Например, А. Инкелес выделяет 9 основных качеств, среди которых индивидуализация как способ адаптации к меняющимся социальным обстоятельствам, готовность к мобильности (географической, социальной, культурной), открытость инновациям, одобрение плюрализма мнений, высокая ценность образования [17]. Часть выделенных Инкелесом параметров пересекаются с ценностными структурами, выделенными для анализа и используемыми для диагностики модернизационного потенциала в концепции Ш. Шварца [18]: автономия (перекликается с индивидуализацией), в том числе и интеллектуальная (перекликается с плюрализмом мнений), стремление к изменению среды «под себя» и отсюда ценность мастерства (у Инкелеса – образования) и таланта (перекликается с открытостью инновациям), равноправие (опять плюрализм). Согласно этим критериям, россияне не обладают чертами личности с модернизационным потенциалом, что отмечено в исследованиях Н. М. Лебедевой [9], Л. Г. Почебут [16], В. Маргун и М. Руднева [10].

В свете предпринятого нами исследования такой вывод кажется вполне закономерным – характеристики «модерной личности» совершенно не согласуются с выделенными в ходе исследования глубинными основаниями русской культуры, они ей противоположны. В силу противоположности процесс их «усвоения» затруднен и даже невозможен из-за отторжения. Именно к стоящим за характеристиками «модерной личности» базовым установкам наши глубинные основания и задают иммунитет. Мы не просто «не доросли» до цивилизации – это западная цивилизация транслирует чуждые нам глубинные основания. Ориентация прежде всего на себя, стремление выделиться,

самоутвердиться (и основанная на этом мотивация развития способностей и профессионализация как задача), сосредоточенность на своих целях и правах, на собственных потребностях и желаниях [17] и вытекающее отсюда изменение мира под свои удобства – всему этому противостоит ощущение всеобщей связности не только с социумом, но и шире – с миром, согласование при акцентированности не личностного в процессах, но – сущностно-ценного с точки зрения некоего общего смысла.

Экологические катастрофы, происходящие в результате потребительского отношения к природе, а также уверения экологов в том, что планета, не справляясь с деструктивным воздействием человека, не успевает восстанавливать свои ресурсы, говорит о возможности экологической катастрофы планетарного масштаба. В этом контексте по-другому начинают осмысляться признаки модерности. Безусловно, ощущение себя автономным плюс стремление изменить среду под себя, усиленные упором на личные достижения, являлись позитивной основой для профессионализации, оттачивания мастерства, работая на научно-технический прогресс. Однако у медали имеется и обратная сторона – эти же качества не просто приводят к изменению природы, но – к уничтожению ее. Для гармоничного существования на Земле цивилизация должна решить вопрос не изменения под себя природы, а вписывания в нее, согласования с ней. И в этом аспекте глубинные основания русской культуры и продуцируемые ими ценности подходят гораздо лучше, чем установки и ценности американской и западноевропейской культур [14].

Библиографический список

1. Асоян, Ю., Малафеев, А. Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии и середины XIX – начала XX веков [Текст] / Ю. Асоян, А. Малафеев. – М.: ОГИ, 2001. – 344 с.
2. Грунтовский, А. В. Русский кулачный бой. История, этнография, техника. [Текст] / А. В. Грунтовский. – СПб.: Санкт-Петербургское общество любителей кулачного боя, 1998. – 212 с.
3. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография [Текст] / Д. К. Зеленин. – М.: Наука, 1991. – 511 с.
4. Ильин, И. А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Т. 1 [Текст] / И. А. Ильин. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 528 с.
5. Касьянова, К. О русском национальном характере [Текст] / К. Касьянова. – М.: Институт национальной модели экономики, 1994. – 367 с.
6. Каган, М. С. Философия культуры [Текст] / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1996. – 416 с.
7. Кукин, А. Ф., Лапин В. А. К проблеме русских хороводов [Текст] / А. Ф. Кукин, В. А., Лапин // На-

родный танец: Проблемы изучения. – СПб.: 1991. – С. 11–29.

8. Куц В. А. Самозащита культуры [Текст] / В. А. Куц. – М.: Народное образование, 2005. – 304 с.

9. Лебедева, Н. М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века [Текст] / Н. М. Лебедева // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21. – № 3. – С. 73–87.

10. Маргун, В., Руднев, М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами [Текст] / В. Маргун, М. Руднев // Вестник общественного мнения. – 2008. – № 1. – С. 33–58.

11. Мацумото, Д. Психология и культура [Текст] / Д. Мацумото. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. – 416 с.

12. Мельникова, А. А. Язык и национальный характер: взаимосвязь структуры языка и национальной ментальности [Текст] / А. А. Мельникова. – СПб.: Речь, 2003. – 320 с.

13. Мельникова, А. А., Круглянская Л. Я. Архетипы лидера и глубинные основания культуры: лингвокультурологическое исследование [Текст] / А. А. Мельникова // Общество. Среда. Развитие. – 2013. – № 1. – С. 194–198.

14. Мельникова, А. А. Универсалии цивилизации vs. глубинных оснований русской культуры [Текст] / А. А. Мельникова // Общество. Среда. Развитие. – 2012. – № 4. – С. 294–296.

15. Никишов, Г. А. Христофор. Ключ знаменной. 1604 [Текст] / Г. А. Никишов. – М.: Музыка, 1983. – 164 с.

16. Почебут, Л. Г. Психология социальных общностей (толпа, социум, этнос) [Текст] / Л. Г. Почебут. – СПб.: Изд-во СПб. Ун-та, 2002. – 176 с.

17. Inkeles, A. A model of the modern man: theoretical and methodological issues. Comparative Modernisation [Text] / A. A. Inkeles // Ed. C. E. Black. N. Y.: Free Press, 1976. – P. 320–348.

18. Shwartz, S. H., Lehmann A., Roccas S. Multithethod Probes of Basic Human Values [Text] / S. H. Shwartz, A. Lehmann, S. Roccas. – Adamopolos, Y. Cashima. Newbury Park. CA: Sage Publication, 1999. – 136 p.

Библиографический список

1. Asoyan, YU., Malafeev, A. Otkrytie idei kul'tury. Opyt russkoj kul'turologi i serediny XIX – nachala KHKH vekov [Tekst] / YU. Asoyan, A. Malafeev. – M.: OGI, 2001. – 344 s.

2. Gruntovskij, A. V. Russkij kulachnyj boj. Istorija, ehtnografiya, tekhnika. [Tekst] / A. V. Gruntovskij. – SPb.: Sankt-Peterburgskoe obshhestvo lyubitelej kulachnogo boya, 1998. – 212 s.

3. Zelenin, D. K. Vostochnoslavyanskaya ehtnografiya [Tekst] / D. K. Zelenin. – M.: Nauka, 1991. – 511 s.

4. Il'in, I. A. Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg. T. 1 [Tekst] / I. A. Il'in. – M.: Ajriopress, 2008. – 528 s.

5. Kas'yanova, K. O russkom natsional'noj kharaktere [Tekst] / K. Kas'yanova. – M.: Institut natsional'noj modeli ehkonomiki, 1994. – 367 s.

6. Kagan, M. S. Filosofiya kul'tury [Tekst] / M. S. Kagan. – SPb.: Petropolis, 1996. – 416 s.

7. Kukin, A. F., Lapin V. A. K probleme russkikh khorovodov [Tekst] / A. F. Kukin, V. A., Lapin // Narodnyj tanets: Problemy izucheniya. – SPb.: 1991. – S. 11–29.

8. Kuts V. A. Samozashhita kul'tury [Tekst] / V. A. Kuts. – M.: Narodnoe obrazovanie, 2005. – 304 s.

9. Lebedeva, N. M. Bazovye tsennosti russkikh na rubezhe XXI veka [Tekst] / N. M. Lebedeva // Psikhologicheskij zhurnal. – 2000. – T. 21. – № 3. – S. 73–87.

10. Margun, V., Rudnev, M. Zhiznennye tsennosti rossijskogo naseleniya: skhodstva i otlichiya v sravnenii s drugimi evropejskimi stranami [Tekst] / V. Margun, M. Rudnev // Vestnik obshhestvennogo mneniya. – 2008. – № 1. – S. 33–58.

11. Matsumoto, D. Psikhologiya i kul'tura [Tekst] / D. Matsumoto. – SPb.: Prajm-Evroznak, 2002. – 416 s.

12. Mel'nikova, A. A. YAzyk i natsional'noj kharakter: vzaimosvyaz' struktury yazyka i natsional'noj mental'nosti [Tekst] / A. A. Mel'nikova. – SPb.: Rech', 2003. – 320 s.

13. Mel'nikova, A. A., Kругlyanskaya L. YA. Arkhetipy lidera i glubinnye osnovaniya kul'tury: lingvo-kul'turologicheskoe issledovanie [Tekst] / A. A. Mel'nikova // Obshhestvo. Sreda. Razvitie. – 2013. – № 1. – S. 194–198.

14. Mel'nikova, A. A. Universalii tsivilizatsii vs. glubinnyx osnovanij russkoj kul'tury [Tekst] / A. A. Mel'nikova // Obshhestvo. Sreda. Razvitie. – 2012. – № 4. – S. 294–296.

15. Nikishov, G. A. KХristofor. Klyuch znamennoj. 1604 [Tekst] / G. A. Nikishov. – M.: Muzyka, 1983. – 164 s.

16. Pochebut, L. G. Psikhologiya sotsial'nykh obshhnostej (tolpa, sotsium, ehtnos) [Tekst] / L. G. Pochebut. – SPb.: Izd-vo SPb. Un-ta, 2002. – 176 s.

17. Inkeles, A. A model of the modern man: theoretical and methodological issues. Comparative Modernisation [Text] / A. A. Inkeles // Ed. C. E. Black. N. Y.: Free Press, 1976. – R. 320–348.

18. Shwartz, S. H., Lehmann A., Roccas S. Multithethod Probes of Basic Human Values [Text] / S. H. Shwartz, A. Lehmann, S. Roccas. – Adamopolos, Y. Cashima. Newbury Park. CA: Sage Publication, 1999. – 13 r.

¹ В том смысле, в каком М. С. Каган писал о различных «масштабных планах» проблемы человека: «*общем, особенном и единичном*» [6]. В самом деле, говоря о человеке, имеют в виду, во-первых, человека «*вообще*», человечество, род Homo Sapiens; во-вторых, определенный *тип человека*, локализованный во времени и в пространстве, например, «*первобытный человек*», «*ренессансный человек*», «*русский человек*», «*белый человек*» и т. д. и т. п.; наконец, в-третьих, *конкретную личность*, отличающуюся от всех других индивидов, – «*я*», «*ты*», «*он*».